

свое изложение на материале религиозно-дидактической литературы? А отсюда рождается и общий вопрос: какова была роль переводной и русской религиозно-дидактической литературы в литературном процессе древней Руси?

Опытом постановки этого вопроса была моя статья «К вопросу об изображении „внутреннего“ человека в русской литературе XI—XIV вв.».² В настоящем исследовании поставлена задача показать, каков был вклад в «человековедение» древнерусской учительной — переводной и оригинальной — литературы, есть ли основание учитывать воздействие теоретических представлений этой литературы о психологии человека на другие литературные жанры. В соответствии с поставленной задачей исследуется прежде всего «человековедческий» материал переводной религиозно-дидактической литературы («слов», «поучений», сборников афоризмов); из него выделена часть, значение которой не ограничивается рамками христианской морали, — часть, наиболее прочно закрепившаяся в сознании читателей, выдержавшая испытание временем. Затем рассматриваются основные примеры явного воздействия переводной литературы на представления авторов о человеке и на его литературное воплощение. Особо ставится вопрос о связи с психологическими представлениями учительной литературы некоторых новых явлений в способе изображения человека историческими и демократическими произведениями XVII в.

* * *

Что входило в состав переводной религиозно-дидактической (учившей «человековедению») литературы, принесенной на Русь вместе с христианством? Прежде всего это были ветхозаветные книги — Притчи Соломона, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса сына Сирахова, — которые состояли из отдельных изречений нравоучительного характера, рисующих идеал практической жизни «мудрого» человека. Судя по цитатам, у старших русских писателей обе книги Соломона были известны на Руси уже в XII в.; изречения Иисуса Сирахова включены в выдержках в состав Изборника 1076 г. Отдельные стихи поэтической книги Псалтырь, известной в русских списках с XI в., также превращались в изречения, выражавшие настроения человека. Были известны в киевском периоде и пророческие книги, из которых уже в XII в. извлекались призывы к гуманности, милосердию, а также предостережения против жестокости властей по отношению к подчиненным. Из новозаветной части Библии — из евангелий и апостольских посланий — с учительными целями приводились притчи и поучения, разъяснявшие требования христианской этики. Обширный раздел учительной литературы составляли сочинения византийских отцов церкви (преимущественно III—VIII вв.). В той их части, которая посвящена проповеди христианской морали, содержится много наблюдений над «нравом» и «помыслами», над страстями человека.

Извлечения из библейских и святоотеческих книг на морально-философские темы уже в Византии составили сборники, получившие наименование «Пчела». Не позднее начала XIII в. один из таких сборников был переведен на Русь. В этой Пчеле после «речи и мудрости от Евангелия и от апостол и от святых муж», под которыми разумелись и ветхозаветные Соломон и Сирах, цитируются изречения «внешних философов»

² Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 15—24.